

Глава 1

Петли криминала

В кинобоевиках люди красиво живут, красиво одеваются, красиво проводят время, среди сказочно-яркой жизни совершаются эффектно изощренные преступления, которые главный герой, нарядный и элегантный, раскрывает легко и непринужденно.

В повседневной же реальности замордованные убогим бытием серые человечки лепят примитивные, хотя и жуткие преступления, над которыми замордованный жизнью опер бьется долго и тяготно, преодолевая невиданные для киноколлег трудности.

Наблюдение автора

Применять табельное оружие легко и весело только в кино. Бум! Бум! И готово. Злодейство наказано, добродетель торжествует. Мудрый всепонимающий начальник похвалит за решительность и смелость, дружный коллектив поддержит морально, добрый психолог снимет последствия стресса, прокурор вообще останется за кадром, но подразумевается, что он хотя и строг, но справедлив... А о злодее вообще речи нет: собаке — собачья смерть! И о родственниках, друзьях-приятелях, корешах, дружбанах, Кентах — тоже не вспоминают сценарист с режиссером: куда им выстоять против милиции, напьются на поминках, поскрипят зубами в бессильной злобе и сделают выводы: супротив власти ни-ни...

Но подобные представления имеют столь же малое сходство с реальностью, как любая милицейская физиономия с добродетелью. Сержанты Трофимов и Бабочкин не составляли исключения, за что, в отличие от тысяч других, в конечном счете и поплатились. Впрочем, если быть предельно точным, поплатились они, конечно, не за отсутствие лубочной святости, характерное не только для российских ментов, но и для всех их зарубежных коллег — и французских ажанов, и английских бобби, не говоря уже о заокеанских копах, а за вполне конкретные действия, связанные с нарушением сухих и малохудожественных, но точных милицейских инструкций.

Сержант Бабочкин и старший сержант Трофимов были командированы в Архангельск, где тамошние сыщики задержали по всероссийскому розыску некоего Титкова, за которым числились двенадцать разбоев как в родном Кисловодске, так и в соседних курортных городах. Теперь негодяя следовало доставить для ответа на родную землю, эту миссию и поручили сержантам. Официально они именовались спецконвоем, хотя ничего «специального» ни в их простецких физиономиях, ни в неподходящем для бобби, ажана или копа росте — сто шестьдесят восемь и сто семьдесят сантиметров, ни в потрепанной гражданской одежонке, ни в чем-либо другом не наблюдалось. Просто в отличие от плановых взвэшных¹ конвоев, сопровождающих арестованных в решетчатых безоконных вагончиках, сержанты должны были провезти закованного в наручники Титкова через всю страну в отдельном купе самого обычного вагона, сдавая его при пересадках и внеплановых остановках в линейный отдел милиции соответствующей станции.

Весьма сложная, ответственная задача и предопределяла специальность задания, требовала специального

¹ ВВ — внутренние войска МВД Российской Федерации.

инструктажа, специальной подготовки и специальной экипировки. Потом, когда случится то, что случилось, строгие, не знающие снисхождения комиссии насчитают в процедуре командирования сержантов пятнадцать отступлений от приказов и инструкций, за что поплатятся безупречностью послужных списков и должностями двадцать три офицера — от лейтенанта до подполковника, которые имели хоть какое-либо касательство к отправке злополучного спецконвоя.

Ветераны органов знают, что, хотя подобные отступления встречаются повсеместно и столь же повсеместно на них до поры до времени закрывают глаза, когда случается ЧП — шутки в сторону, тут уж любое лыко идет в строку. Таковы правила игры, и они не обсуждаются. Хотя в случае с сержантами действительно роковую роль сыграли лишь три допущенных нарушения из пятнадцати: гражданская одежда вместо форменной, отсутствие вагонных ключей и карманного электрического фонарика. Но и они не сами по себе послужили толчком к развитию событий, а лишь усугубили неправильные действия спецконвоя, от которых комиссары, замполиты и замы по работе с личным составом безуспешно предохраняют этот самый личный состав на протяжении последних восьми десятилетий.

Бабочкин и Трофимов рассматривали командировку спецконвоем не как ответственное и важное задание, а как нежданно-негаданно свалившуюся неделю отдыха от тяжелой, грязной и неблагодарной работы, придирчивого начальства, тягот неустроенного нищенского быта. И полная самостоятельность, и смена впечатлений, и длительное путешествие с пересадкой в самой Москве, где ни один, ни другой отродясь не бывали, да и вряд ли имели шансы побывать по собственной инициативе в силу вечного безденежья, отсутствия твердых жизненных перспектив и врожденной сельской опаски перед

большими городами,— все это поднимало настроение, будоражило и веселило. Но недостаточно, ибо у закрепощенных людей вьевшиеся в кровь, плоть, кости и мозг ограничения и запреты окончательно растворяются только сорокаградусной жидкостью. И такой жидкости они захватили две бутылки.

— Давай за хорошую дорогу! — Трофимов, как старший спецконвоя, первым поднял стакан, и спецконвоир Бабочкин последовал его примеру. Звякнуло стекло, плеснулась и отправилась по назначению прозрачная «заводская» водка.

Сержанты, как им казалось, проявили предусмотрительность: выждали время и начали «обмывку» пути только тогда, когда поезд миновал маленькие, некогда уютные и приветливые, а теперь небезопасные городки Кавказских Минеральных Вод, прошел узловую станцию и вышел наконец на долгий перегон, где опасность встретить знакомых и сослуживцев стремительно снижалась. По вагону прошли их коллеги из транспортного отдела — такие же сержанты, только более рослые, в форме, с открыто висящими атрибутами власти: резиновыми палками, наручниками и оружием в потертых, исцарапанных кобурах.

Пистолеты спецконвоя лежали в дешевой полупустой сумке Трофимова, которую тот бережливо засунул в ящик для чемоданов. При оружии пить запрещено — это аксиома, известная даже рядовому, прошедшему только курсы первоначальной подготовки. В дороге, незнакомых местах, в окружении посторонних людей лучше сохранять ясный ум и трезвую голову — это знает любой здравомыслящий человек.

— Давай за ребят! — Теперь проявил инициативу Бабочкин, кивнув вслед патрулю сопровождения, и согретье чувством корпоративности к незнакомым людям в знакомой форме милиционеры опрокинули по второй.

Водку меланхолично заедали вареными вкрутую яйцами и дешевой вареной колбасой. Обручи запретов и ограничений постепенно разжимались, приходило редкое и потому непривычное ощущение свободы, ради которого, собственно, все неудачники мира и льют в себя любую опьяняющую жидкость.

В купе кроме них ехала ничем не примечательная женщина средних лет, ей тоже из вежливости предлагали, но она компанию не поддержала, напротив — под каким-то предлогом вышла в коридор. Четвертая полка вообще пустовала. Но им и вдвоем было хорошо.

— Открывай! — Бабочкин кивнул на запечатанную бутылку.

— Может, на завтра оставим?

— Завтра другую купим! — залихватски подмигнул сержант, и старший сержант с ним согласился, хотя на гроши командировочных и скудные заначки в дальней дороге дай бог просто свести концы с концами, а уж пить по две бутылки водки в день совершенно нереально. Впрочем, сейчас они не оценивали реальностей окружающей обстановки. События катились по традиционным для таких ситуаций рельсам, прямиком к трагической развязке.

Как ни банально это звучит, но факт: водка, разгильдяйство и неосмотрительность дали толчок последующим событиям, искалечили судьбы сержантов, испортили карьеры их многочисленного начальства, привели к смерти одного и инвалидности другого работника вагона-ресторана, породили трехтомное уголовное дело и противоречивые судебные решения.

Но в силу причудливого стечения обстоятельств, последовавшее за «распитием» ЧП помогло раскрыть опасную банду и спасти жизни десятка офицеров милицейского спецназа. Вряд ли это можно поставить в заслугу сержантам, скорей капризу судьбы, наугад выбрасывающей свои непредсказуемые кости.

— Схожу за пивом,— поднялся Бабочкин. Мелкого телосложения, с мелкими чертами лица, он допускал очередную ошибку, отправляясь нетрезвым на поиски приключений в ночном поезде.

В грохочущем тамбуре курил сутулый, с резким профилем человек. Бабочкин остановился. Незнакомец казался на кого-то похожим.

— Гражданин! — Сержанту казалось, что голос звучит уверенно и властно. На самом деле это было не так. Но официальный тон и казенное обращение подействовало. Человек мгновенно развернулся, в прищуренных жгуче-черных глазах полыхнула такая злоба, что Бабочкин чуть не попятился. «Титков,— промелькнуло в затуманенном мозгу.— Сбежал, гад!»

Титков был очень опасен, и хотя, даже сбежав, он никак не мог оказаться в этом поезде, у сержанта все случилось внутри.

— Милиция, сержант Бабочкин! — магическая формула представления всегда служила спасательным кругом в любой ситуации, но в последние годы эффект ее здорово уменьшился, так же, как и красного удостоверения, которое сержант автоматически извлек из нагрудного кармана выдавшего виды пиджачка.

— Попрошу предъявить документы!

Брызнув искрами, сигарета врезалась в железный пол. Если перед ним стоял и не Титков, то не менее опасный зверь — милиционер почувствовал, что сейчас его разорвут на куски вместе с некогда грозным удостоверением. Но ничего подобного не произошло.

— Что я такого сделал, почему документы? — обиженно произнес человек.— Смотрите, пожалуйста, если надо!

Смирность тона не соответствовала исходящей от незнакомца волне тяжелой смертельной ненависти, которую листающий паспорт Бабочкин ощущал каждым сантиметром своего тела. Паспорт был в порядке.

— Откуда и куда едете? — привычно спросил он, хотя уже и не был рад тому, что ввязался в эту проверку.

— Из Кисловодска. В санатории был. Могу путевку показать,— спокойно ответил проверяемый.— Теперь домой, в Тиходонск.

Все правильно, вот штамп прописки... Бабочкин вернул документ.

— Счастливо доехать!

— Спасибо,— человек улыбнулся одними губами. Волна ненависти пошла на убыль.

«Боятся власти-то»,— с удовлетворением подумал сержант, хотя глубоко внутри шевелилось понимание того, что никакого страха проверяемый не выказал и что покорность его была притворной.

В следующем вагоне навстречу попался коллега из патруля сопровождения. Форменная куртка расстегнута, галстук болтается на заколке, в ладони — добрая жменя семечек. Он придирчиво осмотрел невзрачную фигуру спецконвоира, принялся.

— Чего шляешься пьяным? Иди ложись спать!

Минуту назад Бабочкин хотел откомендоваться, спросить про обстановку в поезде, сообщить, что тоже поддерживает порядок и проверяет подозрительных типов, но грубый тон и явное недружелюбие патрульного задела за живое, поэтому он стиснув зубы обиженно протиснулся между любителем семечек и твердой стеной купе.

В вагоне-ресторане посетителей уже не было, сухая, как вобла, официантка собирала грязную посуду, за буфетной стойкой считал выручку здоровенный молодой парень в тельняшке, как потом выяснилось — шеф-повар. От него исходил явственный запах спиртного.

— Чего надо? — буркнул он, смазав сержанта презрительным, сверху вниз, взглядом.

— Пива. Пару бутылок,— Бабочкин пожалел, что он не в форменной одежде — тогда бы этот наглец разговаривал более почтительно.

— Нету пива. Такие же алкаши, как ты, все выжрали...

Парень перехватил пачку купюр резинкой, небрежно бросил деньги в ящик и ухмыльнулся.

— Сам ты алкаш! — раздраженно бросил Бабочкин, совершив свою последнюю, роковую ошибку.

Полосатая рука резко распрямилась, мосластый кулак смачно впечатался в лицо сержанта. Из носа брызнула кровь. От боли и обиды потемнело в глазах. Следующий удар пришелся по шее, ноги подкосились, но какая-то сила придержала оседающее тело за лацканы пиджака, взметнула вверх и уже с ускорением шмякнула об пол.

— Я тебе покажу, рвань сучья! — лениво и без особой злости процедил шеф-повар. Он любил и умел драться, буйный нрав и бычья сила, дополняя друг друга, помогали выходить победителем из каждой потасовки, которые почти всегда он же и затевал, ибо в кулачном бою чувствовал себя увереннее, чем в словесной перепалке или любом другом виде состязаний. Но на этот раз он тоже допустил ошибку, еще не последнюю, но не менее роковую, чем ошибка сержанта. С учетом финала последующих событий, пожалуй, даже более.

Бабочкин с трудом поднялся, по лицу текли кровь и слезы, в горячке он не ощущал серьезности увечий, хотя потом выяснится, что у него сломаны ребра и треснули два шейных позвонка. Последняя травма относилась к категории тяжелых телесных повреждений. Сейчас он чувствовал только страшную слабость, онемение в левой части груди и одеревенелость шеи. Все его маленькое существо переполняла острая обида от явной незаслуженности столь жестокой расправы. На подламывающихся ногах он доковылял до ближайшего стула, тяжело повалился на него и заплакал.

— Сволочи, сволочи, сволочи...

Тошная официантка протянула мокрое полотенце.

— На, оботрись.

Но Бабочкин оттолкнул ее руку.

— Сволочи! Вот вам!

Он смахнул со стола несколько тарелок, раздался звон разбитого стекла. Этот жалкий жест прорвавшейся обиды при последующем расследовании будет квалифицирован как злостное хулиганство, отличающееся особой дерзостью. Сейчас на шум выглянули посудомойка Маша и кухонный рабочий — такой же здоровый парень, как шеф-повар.

— Что случилось, Николай?

— Все нормально, Игорек. Алкаш хулиганит, посуду бьет. Вера его обтереть хотела, а он...

— Совсем обнаглели! — громко заверещала официантка. — К нему с добром, а он с говном! Надо его в милицию сдать! Где Васятка?

Бабочкин вскочил.

— Ах так! Да я сам милиция! Смотрите сюда... Видите? Видите, на кого напали? — Он бестолково размахивал красной книжечкой, потом раскрыл ее и ткнул официантке в лицо, так что она рассмотрела и голубоватую, с водяными знаками бумагу, и печать, и фотографию в форме.

— Я еще вернусь! Вам всем будет плохо, вы все пожалеете!

Когда Бабочкин ушел, официантка встревоженно повернулась к шеф-повару.

— Слышь, Коля, он и вправду милиционер...

— Ну и хер с ним, — отреагировал тот.

— Ты же ему всю морду расквасил...

— Подумаешь... Он сам поддатый...

— А мы ничего не видели, — сказала Маша.

— Запирайте двери, мы свое отработали, — подвел итог дискуссии Коля. — Надо теперь и отдохнуть по-человечески.

Поплескавшись полчаса в туалете и не смыв ни боли, ни обиды, ни позора, Бабочкин вернулся в купе.

— Вот что со мной сделали! — патетически объявил он, откатив прикрытую дверь. Жующая за столиком соседка охнула.

Трофимов уставился в распухшее лицо напарника.

— Кто?

Губы его сжались в плотную линию, в глазах вспыхнул недобрый огонек.

— Там, в ресторане...

Когда Бабочкин закончил рассказ, старший спецконвой поразмышлял несколько минут.

— К патрулю не обращался?

— Нет... Они на меня как на вошь посмотрели. Пьяный, говорят...

Трофимов еще подумал и тяжело вздохнул, как человек, которому предстоит выполнять крайне нежелательную, но вместе с тем необходимую работу.

— Такое прощать нельзя. Надо идти разбираться...

— Успокойтесь, ребята, ложитесь сейчас лучше спать, утром оно видней будет, — принялась увещевать испуганная женщина.

Трофимов вздохнул еще раз.

— Нет. Если мы, милиционеры, от хулиганов прятаемся будем, то что вообще получится?

— Какие милиционеры? — не поняла соседка. Попутчики явно не были похожи на стражей порядка.

Не отвечая, старший сержант поднял полку, отгородившись от женщины спиной, повозился в сумке и выпрямился.

— Пошли.

В пустом коридоре он передал напарнику его пистолет.

— Только в крайнем случае, понял? Если меня будут убивать.

Дверь в вагон-ресторан оказалась закрытой. Трофимов постучал кулаком, ладонью, наконец рукояткой пистолета. В шуме колес стук безнадежно растворялся. Он ударил сильнее, дверное стекло разлетелось и звон долетел до служебного купе.

Здесь «по-человечески» отдыхала от дневных трудов смена вагона-ресторана. Возможности отдыха на колесах сводятся к двум вещам: выпивке и совокуплению. Первая часть была завершена, и вся четверка готовилась переходить ко второй. Они не первый раз ездили вместе и достигли полного взаимопонимания: трахались на глазах друг друга, менялись партнерами и другими доступными способами разнообразили дорожный секс. У всех была полная уверенность, что это один из элементов их разъездной работы, причем элемент совершенно безопасный, потому что работники общепита регулярно получают справки о всестороннем здоровье. И хотя все четверо прекрасно знали, чего стоят эти неряшливые листки с фиолетовыми штампами, но уверенность чудесным образом все равно сохранялась.

Атмосферу возбуждения и сладостного ожидания разрушил звон разбитого стекла.

— Это тот сучонок! — Шеф-повар вскочил, схватил попавший под руку железный совок и бросился к двери.

— Подожди, Колян, я тебе помогу! — Игорь побежал следом, размахивая увесистой кочергой.

В тамбуре было темно, удары совка и взмахи кочерги вымели милиционеров в соседний вагон, Бабочкин извлек пистолет, но Игорь выбил его, и оружие отлетело на середину ковровой дорожки.

— Не подходи, стреляю! — Трофимов тоже обнажил свой ПМ, но на заведенного Коляна это не произвело впечатления.